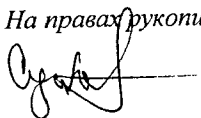

На правах рукописи

Сучков Максим Александрович

**СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ**

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития (политические науки)

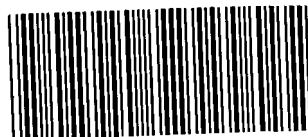
Автореферат

диссертации на соискание

ученой степени кандидата политических наук

2 0 ОНТ 2011

Пятигорск – 2011

4857884

Диссертация выполнена
на кафедре международных отношений, мировой экономики и международного права ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: Панин Виктор Николаевич
доктор политических наук, профессор

Официальные оппоненты: Дегоев Владимир Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Гаджимирзаев Муси Мусаевич
кандидат политических наук, доцент

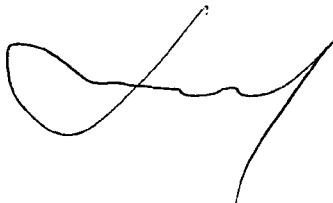
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 28 октября 2011 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.193.03 при ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» по адресу: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, конференц-зал №1

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» по адресу: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Автореферат разослан «27» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.В. Косов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. После распада СССР, последующей нестабильной политической ситуации, образовавшегося «геополитического вакуума» и начавшегося процесса государство-строительства на постсоветском пространстве, Южный Кавказ превратился в арену наиболее острого противостояния между ведущими мировыми и региональными державами, прежде всего США и Россией. В связи с тем, что стратегическая значимость региона как перекрестка военно-транспортных и энерготранзитных коммуникаций в эпоху постбиполярного мира возрастала, Южный Кавказ стал занимать особое место в общей системе внешнеполитических интересов США. В двустороннем формате проблемы Кавказа являются одним из наиболее сложных узлов российско-американских отношений.

Изучение современных направлений внешней политики США на Южном Кавказе особенно актуально в свете продолжающейся трансформации баланса сил в этом регионе, инициированном югоосетинским конфликтом в августе 2008 года. Отличительной особенностью американской политики является встраивание отдельных кавказских сюжетов в различные геополитические контексты. Вместе с тем, понимание механизмов выработки американской стратегии в отношении республик Южного Кавказа невозможно без учёта ряда внутривнутриполитических факторов и осмысления доктринальных установок Соединенных Штатов. Выявление и концептуализация данных позиций актуализирует тему диссертационного исследования.

Приведенная аргументация позволяет говорить о теоретической и практической значимости настоящей работы.

Степень научной разработанности проблемы. Основные парадигмы теоретического изучения внешней политики государства были заложены в конце 50-х – начале 60-х годов XX века в работах Г. Брука, Дж. Розенау, Б. Сапина, Р. Снайдера, Г. Спраут, М. Спраут, акцентировавших внимание на теории принятия решений и исследовании влияющих на них факторов. В

свою очередь, анализом конкретных детерминант внешнеполитических решений занимались Л. Аггестам, Г. Аллисон, Дж. Бендор, М. Герман, М. Дойл, И. Джейнис, Р. Джервис, А. Джордж, А. Хадфилд, Т. Хаммонд, Дж. Чекел, Б. Шмидт.

Уровневый анализ современной внешней политики государства разрабатывали Б. Бузан, К. Уолтц и В. Хадсон.

Ф. Брайар, М. Джалили, В. Кочетков, Р. Ричардсон предложили различные варианты систематизации основных теорий принятия решений.

Работы российских учёных также существенно обогатили исследования в области современной внешней политики. В частности, Н. Косолапов раскрыл содержание таких понятий как «внежнополитический процесс», «поведение государства» и обозначил его отличие от «внешней политики»; М. Лебедева систематизировала основные школы и подходы к изучению внешней политики государства; В. Смоляков описал связь внутренней и внешней политики; Ю. Фёдоров рассматривал значение влияния групп интересов; А. Мальгин и В. Никонов предложили классификацию и оценку внешнеполитических ресурсов государства. В целом, системные исследования этих и других явлений и процессов отражены в работах М. Хрусталева и П. Цыганкова.

М. Вебер, Ю. Давыдов, Р. Даль, И. Зевелев, М. Каплан, Р. Кеохейн, Г. Лассуэл, С. Льюкс, Р. Моккен, Г. Моргентау, П. Моррис, Дж. Най-мл., Ф. Оппенхайм, Ф. Стокман, Дж. Стоссинджер, М. Троицкий и другие занимались исследованием категорий «силы», «влияния» и их проекцией во внешней политике государства.

Изучению концептуальных основ и институциональных факторов внешней политики США посвящены работы А. Арбатова, Г. Арбатова, В. Батюк, Зб. Бжезинского, А. Богатурова, С. Витткопф, И. Даалдера, Ф. Закарии, Н. Злобина, П. Золотарёва, Э. Иваняна, Ф. Камерона, А. Картера, С. Кортунова, А. Колобова, О. Колобова, В.. Кременюк, Г. Киссинджера, Э. Лейка, П.

Подлесного, К. Райс, С. Рогова, С. Самуйлова, Н. Семина, В. Сизова, В. Супян, Н. Травкиной, Г. Трофименко, А. Фененко, Т. Шакленной.

Анализ различных аспектов региональной стратегия США на Южном Кавказе представлен в работах российских исследователей О. Барабанова, В. Васютovich, К. Гаджиева, В. Гусейнова, А. Гушера, Д. Дадаева, В. Дегоева, Н. Дьяковой, С. Жильцова, В. Захарова, И. Зонна, С. Маркедонова, Н. Миллера, А. Мелкумяна, В. Панина, С. Передерия, В. Рябцева, Н. Силаева, Р. Усмано-ва, С. Чернявского.

Среди наиболее значимых исследований по данной проблематике в республиках Южного Кавказа можно назвать работы Н. Геворкяна, А. Джафалян, П. Закарейшвили, М. Золяна, М. Ибрагимова, А. Искандаряна, Ф. Исмаилзаде, Э. Исмаилова, Р. Мехдиева, С. Минасяна, И. Мурадяна, Э. Мурадалиева, Г. Нодия, Э. Нуриева, В. Папавы, Я. Эйвазова.

Широкий спектр региональных проблем Кавказа затронут также в исследованиях М.А. Аствацатуровой, А.А. Вартумяна, М.М. Гаджимирзаева, З.А. Жаде, Э.Т. Караева, Ю.Ю. Клычникова, Б.Г. Койбаева, Г.В. Косова, С.И. Линца, А.В. Малащенко, В.Р. Чагилова, А.А. Ярлыкапова.

В США разработкой кавказской тематики, в том числе в контексте американской внешней политики, занимаются Т. Де Ваал, Ч. Кинг, С. Корнелл, А. Коэн, А. Кули, С. Кук, Л. Митчелл, Дж. Никол, Ф. Старр, Р. Суни, С. Тэлботт, К. Уэлт, Д. Филипс, Л. Фуллер, Ф. Хилл, С. Чарап, Б. Шаффер.

В целом, несмотря на значительное количество работ отечественных и зарубежных авторов посвященных политике США на Кавказе, данная проблематика раскрыта не полностью, ввиду отсутствия комплексных исследований процесса выработки американской стратегии в отношении данного региона, осмысления основных тенденций её функционирования и изучения особенностей региональных внешнеполитических механизмов США.

Объектом исследования является внешняя политика Соединенных Штатов Америки.

Предметом исследования выступают современная внешнеполитическая стратегия и тактика США на Южном Кавказе.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении концептуальных установок современной внешней политики США на Южном Кавказе и механизмов их реализации.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- осуществить факторный анализ внешней политики современного государства;
- доказать, что сила и влияние являются способами управления внешнеполитическими ресурсами государства;
- агрегировать ключевые установки базовых внешнеполитических концепций США и раскрыть влияние внутренних факторов на американскую внешнюю политику;
- выявить основные цели Соединенных Штатов на Южном Кавказе в региональном и глобальном срезам;
- раскрыть основные механизмы и инструменты реализации внешней политики США в регионе Южного Кавказа;
- определить угрозы национальной безопасности РФ на Южном Кавказе в контексте внешней политики США.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования включают в себя методологические принципы системного подхода и анализа внешней политики через призму отдельных составляющих её структуры (М. Хрусталеv), уровневый анализ современной внешней политики (В. Хадсон), а также классификацию основных теорий принятия решений и влияющих на них факторов (Р. Ричардсон).

Значимыми методологическими и теоретическими источниками явились работы современных западных и российских учёных в области внешней политики, процесса принятия решений, факторного анализа внешнеполити-

ческого процесса (Г. Аллисон, А. Богатуров, С. Кортунов, Н. Косолапов, Дж. Миршаймер, А. Наунс, Дж. Розенау, Р. Снайдер, С. Уолт, П. Цыганков).

Методы исследования. Диссертантом применялись общелогические методы, а также метод с ограниченным количеством индикаторов поведения международного субъекта (Б. Корани), сравнительно-исторический метод, ряд экспликативных методов – контент-анализ, ивент-анализ.

Эмпирическая база включает официальные документы и доклады государственных органов и структур США (Белого дома, Государственного департамента, Министерства обороны, разведсообщества), стратегии национальной безопасности, военные и оборонные стратегии; экспертные доклады и публикации аналитических центров; тексты выступлений и заявлений государственных секретарей США, послов, советников президента США по национальной безопасности; статистические материалы официальных ежегодников Государственного департамента, Министерства обороны США и внешнеполитических отчетов республик Южного Кавказа; материалы СМИ; результаты проведенных автором интервью с рядом экспертов и американских дипломатов в ходе стажировки в качестве приглашенного исследователя (программа Фулбрайт) в Центре евразийских, российских и восточно-европейских исследований при Школе дипломатической службы Джорджтаунского университета.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- дано авторское понимание факторного анализа современной внешней политики и доказано, что в настоящее время специфика внешнеполитического решения и его реализация в значительной степени зависит от комплекса бюрократических процедур и индивидуальных особенностей лиц, принимающих решения;

- выявлены способы реализации внешнеполитических ресурсов государства и доказано, что в ситуации возрастающей нестабильности мировой системы основными становятся сила и влияние;

- систематизированы ключевые доктринальные императивы американской внешней политики США и доказано, что на процесс их выработки и реализации оказывают влияние лобби-группы и экспертное сообщество;

- в ходе анализа целей и задач США на Южном Кавказе обосновано, что они имеют двухуровневый характер и доказано, что современные интересы в данном регионе детерминированы темпоральными факторами;

- осуществлен анализ основных инструментов американской внешней политики по достижению своих интересов в регионе и сформулированы перспективы их обновления и корректировки;

- выявлены ключевые инициативы современной администрации США в регионе Кавказа и доказано, что они представляют угрозу национальным интересам Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под факторным анализом современной внешней политики понимается комплексное выявление скрытых, латентных факторов, детерминирующих процесс принятия внешнеполитического решения и его реализации, к которым относятся: система убеждений и ценностные ориентации лиц, принимающих решения, внутривнутриполитические процедуры и межведомственная координация, деятельность оппозиции и групп интересов, информационные технологии.

2. В ситуации «текущей современности» (З. Бауман) наблюдается альтерация внешнеполитических ресурсов государства, в связи с чем ряд характерных для этапа «солидарной (монолитной) модерности» способов их реализации – маневрирование и выжидание – отходят на второй план, актуализируя силу и влияние.

3. Основные внешнеполитические концепции США – доктрина лидерства, стратегия расширения, доктрина превентивных действий, стратегия эшелонированной обороны, стратегия вовлечения – ориентированы на реализацию национальных интересов страны посредством глобального доминирования через установление контроля над ключевыми регионами мира. Формы

и методы этого контроля определяются ключевыми участниками процесса принятия внешнеполитического решения, а частности реализации основных направлений внешней политики определяются, в том числе, лобби-группами (этническими, профессиональными, отраслевыми) и экспертным сообществом.

4. Современные интересы США на Южном Кавказе детерминированы в краткосрочной перспективе – энергетической безопасностью, в среднесрочной – мотивами военного характера, в долгосрочной – достижением глобального лидерства. Цели и реализуемые Соединенными Штатами Америки в данном регионе задачи заключаются в стремление к контролю над регионом и встраиваются в глобальное стратегическое проектирование США.

5. Внешняя политика США на Южном Кавказе реализуется через общие и частные механизмы. К общим относятся: механизмы двусторонних форматов и соглашений, предоставление прямой финансовой и военной помощи, развитие альтернативных энерготранзитных маршрутов, поддержка деятельности НПО, программы НАТО, формирование лояльных межрегиональных блоков и объединений. К частным – двусторонние военные учения с привлечением частных военных формирований; реализация экономических проектов при непосредственном участии частных военных подрядчиков («Кэллог Браун энд Рут»); работа с разными целевыми группами в республиках (в Армении, Грузии – юристами, включая адвокатов и судей, лидерами политических партий; в Азербайджане – банкирами и предпринимателями).

6. Внешняя политика США в зоне «исключительных интересов» Российской Федерации, отражающаяся в расширении военной инфраструктуры, развитии альтернативных энергопроектов, участии в региональных конфликтах, инициировании и поддержке проекта «Единого Кавказа» с привлечением к его реализации сепаратистки настроенных движений Северного Кавказа, создает угрозу национальной безопасности современной России.

Теоретическая значимость. Разработка темы диссертационного исследования способствует расширению научных представлений о влиянии ла-

тентных факторов на современную внешнюю политику государства и определению его образа действия на международной арене. Сделанные на основе исследования выводы о формировании механизмов выработки внешней политики в США могут послужить теоретической основой для дальнейшего изучения этой проблемы.

Практическая значимость диссертационного исследования. Основные положения работы могут представлять интерес для органов власти, в том числе структур Министерства иностранных дел России, а также для широкого круга специалистов, занимающихся данной проблематикой. Полученные выводы могут быть использованы для проведения более эффективной российской политики в регионе Кавказа. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе – при подготовке и чтении учебных курсов «Процесс принятия внешнеполитических решений», «Геополитика Кавказа», «Безопасность Кавказа», «Мировая политика», «Внешняя политика США».

Апробация результатов исследования. Некоторые положения были представлены в ходе проведения Международной летней школы магистрантов и аспирантов «Политические и социальные процессы в Евразийском пространстве: в ожидании новой парадигмы» (г. Цахкадзор, Армения, 2009 г.); на Международном молодежном форуме «Новые правила: стратегия мировых взаимоотношений» (г. Дагомыс, 2009 г.); на молодежном саммите «Большой восьмерки» в Канаде («G8 Youth Summit», г. Ванкувер, 2010 г.); на VI Международном конгрессе «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» (г. Пятигорск, 2010 г.); на ежегодных Университетских научно-методических чтениях Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск, 2009 г., 2010 г.); обсуждались в ходе «круглых столов» в Центре евразийских, российских и восточно-европейских исследований Джорджтаунского университета (г. Вашингтон, США, 2010-2011 гг.) и международной экспертной конференции

«The North Caucasus: Russia's Tinderbox» в Центре стратегических и международных исследований (г. Вашингтон, США, 2010 г.).

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 11 статьях общим объемом 5,4 п.л., в том числе трех статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для апробации итогов диссертаций.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре международных отношений, мировой экономики и международного права ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Структура диссертационной работы отображает логику исследования и подчинена решению поставленных задач. Работа состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, библиографического списка использованной литературы, включающего 314 источников, в том числе 150 на иностранных языках, и девяти приложений. Общий объем диссертации составляет 192 страницы машинописного текста.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, оценивается степень её научной разработанности, определяются объект и предмет исследования, излагаются его цель и задачи, проводится характеристика теоретико-методологической и эмпирической основ диссертации, определяется её научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, выявляется теоретическая и практическая значимость работы, фиксируется её апробация и дается характеристика структуры исследования.

В **первой главе «Теоретико-методологические основы изучения внешней политики современного государства»** анализируются теоретические и методологические установки исследования, рассматривается понятийный аппарат работы, приводятся и систематизируются основные подходы к изучению различных аспектов современной внешней политики государства.

В рамках первого параграфа первой главы «Факторный анализ современной внешней политики государства» дается авторская интерпретация факторному анализу как комплексному выявлению скрытых факторов, оказывающих существенное влияние на процесс принятия внешнеполитических решений и его реализации.

Внешняя политика как «деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности» представляется комплексным явлением, в систему которой входят: внешнеполитическая программа, внешнеполитический курс, внешнеполитические интересы, внешнеполитические цели, образ действия (государства на международной арене) (М.А. Хрусталёв).

Реализация внешней политики государства представляет собой многофакторный процесс, детерминированный, во-первых, внешней средой, ввиду его осуществления в общей системе международных отношений, во-вторых, неразрывной связью с внутренней политикой государства. Изучение взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики составляет основу внешнеполитического процесса, который, согласно Н.А. Косолапову, являет собой исторически сложившийся порядок и традиции выработки и проведения внешней политики со всеми институтами, процедурами, характерными особенностями и участниками. В этой связи актуализируется исследование процесса принятия решений и влияющих на него факторов – одного из четырёх современных подходов к изучению внешней политики современного государства (М.М. Лебедева).

Изучение процесса принятия внешнеполитических решений через призму пяти основных теорий и направлений в этой области (Р. Ричардсон) – психологического, институционального, детерминистского (системного), теории взаимодействия и рационального выбора – позволило выявить комплекс влияющих на него факторов.

Теория рационального выбора ориентирована на рассмотрение процесса принятия решений, исходит из наибольшей целесообразности и установ-

ливает последовательность в формулировании задач. Она позволяет выстроить логическую последовательность действий данного процесса от идентификации проблемы до выбора наилучшего варианта её решения.

Изучение факторов, определяющих «рациональность» принимаемого решения тесно связано с психологическим аспектом – прежде всего, особенностями выработки решения на групповом и индивидуальном уровнях и личностными качествами лиц, принимающих эти решения. В этой связи, крайне важным является концепт «операционного кода» (А. Джордж, Н. Лейтис), который включает предпочтения конкретного лидера в выборе средств для разрешения проблемной ситуации, оценку собственных полномочий и способностей, систему его личных убеждений и ценностей, а также культурных и политических традиций отдельной страны. В свою очередь, серьёзное влияние на эти факторы в кризисной ситуации оказывают субъективные реалии – более высокие риски и повышенная степень непредсказуемости, ограниченный запас времени и лимитированное количество кризисных альтернатив (Р. Смоук, У. Юри).

Кроме того, иерархия детерминирующих процесс принятия решений факторов варьируется в зависимости от типа политического режима: если решения авторитарных режимов во многом диктуются личностными особенностями лидера, динамикой ситуации во внешнем мире и ближайшем окружении, то в демократических странах первоочередными трудностями являются попытки найти компромисс с требованиями оппозиции и способность наладить взаимодействие между ведомствами и бюрократическими структурами. Стремление каждой из них играть более значимую по сравнению с другими роль, представляется одним из источников межведомственной конкуренции и несогласованности действий, в том числе на международной арене. Серьёзным фактором, влияющим на выработку решений, выступают различные «группы интересов» и лобби-структуры, продвигающие в политический дискурс страны свою повестку.

В современных условиях, усиление роли религиозной идеологии, разрастание сети трансграничных коммуникаций, «демократизация» технологий, повышение роли СМИ и «информационная революция» являются не только новыми факторами, в значительной мере влияющими на процесс формирования внешней политики в практическом плане, но и требуют осмысления в теоретико-методологическом отношении.

Во втором параграфе первой главы «Способы реализации внешнеполитических ресурсов государства» дается классификация внешнеполитических ресурсов, анализируются понятия «силы» и «влияния» как основных способов реализации государством этих ресурсов в современном мире.

Под внешнеполитическими ресурсами государства понимают совокупный потенциал страны, который может быть использован во внешней политике в виде целенаправленных действий и акций для достижения желаемых результатов (А.В. Мальгин). Внешнеполитические ресурсы разделяют на материальные и нематериальные (В.А. Никонов). К первым относят территориально-географические, демографические, природные, экономические и военные ресурсы. Нематериальные ресурсы, в свою очередь, включают политические, институционально-дипломатические (как международные, так и внутренние), социальные, культурно-идеологические, репутационные, научно-технические, образовательные и информационные. Значимую роль играет организационный ресурс – способность государственного аппарата корректно сформулировать интересы страны и рационально реализовать все имеющиеся ресурсы. Исходя из возможности их немедленного использования, внешнеполитические ресурсы государства подразделяют на реальные и потенциальные. В зависимости от количественных характеристик – на достаточные, дефицитные и избыточные.

Основными способами реализации внешнеполитических ресурсов государства в современных условиях выступают сила и влияние, зачастую их сочетание.

В соотношении самих этих двух концептов среди исследователей существует разногласие: одни рассматривают силу (power) как субкатегорию влияния (influence) (Г. Лассуэл, М. Каплан), другие видят «влияние» как особый вид «силы» (Ф. Оппенхайм), третьи полагают, что «сила есть влияние» (Г. Киссинджер). Понимание силы как способности государства использовать свои потенциальные и реальные ресурсы с целью воздействия на образ жизни и поведение других государств (Дж. Стоссинджер) представляется попыткой ответить на вопрос в чем измеряется сила – в ресурсах государства или эффекте от их реализации.

Обращение к ключевой современной теории силы, предложенной Дж. Наем-мл., разделяющей понятия «жесткой» (hard power) и «мягкой» силы (soft power), мотивировано связью данных категорий с ресурсным потенциалом государства. Их интерпретация российскими исследователями И.А. Зевелевым и М.А. Троицким в качестве «силы» (hard power) и «влияния» (soft power) позволяет избежать семантико-содержательную двусмысленность, прослеживающуюся в других работах.

Таким образом, в стремлении добиться от другого субъекта действий, которые бы он не совершил по своей воле, «сила» актуализирует, преимущественно, военный и экономический ресурс государства. В то время как «влияние» предполагает изменение самих кодов восприятия этого субъекта посредством информационного, культурно-идеологического, политического, научно-технического и прочих нематериальных ресурсов. Примечательно, что военные и экономические ресурсы оказывают психологическое влияние фактом своего наличия. Хотя в современных условиях они по-прежнему являются основным статусным критерием государств, все большее число стран пытается влиять друг на друга с помощью «мягких» ресурсов – прежде всего информационных, делая ставку на «умную силу» (smart power), как сочетания «силы» и «влияния».

В третьем параграфе первой главы «Доктринальные императивы и институциональные факторы внешней политики США» систематизи-

руются ключевые установки основных американских доктрин и концепций, а также рассматривается влияние внутренних институциональных факторов на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений.

Вовлечение государств постсоветского пространства в свою глобальную повестку началось Соединенными Штатами во время первой администрации Б. Клинтона в рамках «стратегии расширения» (enlargement strategy). Она подразумевала включение в сферу американского влияния стран Восточной Европы и бывшего СССР через расширение НАТО и существенное ограничение влияния России (и в перспективе Китая) на Кавказе и в Центральной Азии.

«Доктрина лидерства» 1990-х годов виделась наилучшим способом отстаивать национальные интересы страны. В условиях, когда ни одно государство в мире не имело ни ресурсов, соизмеримых с американскими, ни политической воли выступать противовесом США на международной арене, американская элита стала относительно легко принимать решения об использовании военной силы в региональных конфликтах, роль которой ещё больше актуализировалось с приходом республиканской администрации и после терактов 11 сентября 2001 года.

Стратегии национальной безопасности США 2002 года, почти полное обновление всей системы стратегических и военно-политических документов, придавали вооруженным силам США концептуально новую роль – «способствовать продвижению демократии». «Доктрина превентивных действий», согласно Национальной военной (2004 г.) и Национальной оборонной (2005 г.) стратегиям, предполагала «обеспечение доступа к ключевым регионам и линиям коммуникации, укрепление союзов и партнерских связей», создание «многослойной обороны» (layered defense), где первая линия проходит «за пределами континентальной части США» и подразумевает совместные военные мероприятия с союзниками «для решения задач как можно ближе к источнику угрозы».

Несколько иной международный контекст второй половины 2000-х гг., заложил новые ориентиры Стратегии национальной безопасности США-2006, где наиболее эффективный способ её реализации виделся Соединенным Штатам не в изменении соотношения сил в мире (в свою пользу), а в изменении самой мировой конфигурации, посредством «демократизации», особенно в наиболее значимых для американских интересов регионах.

Провалы жестко-силового подхода, пошатнувшие международный имидж США, вынуждали администрацию Обамы обратиться к поиску более эффективных внешнеполитических инструментов. Однако, хотя Стратегия национальной безопасности США 2010 года исключает саму необходимость для Соединенных Штатов начинать военную операцию в одностороннем порядке и делает основную ставку на «вовлечение» государств (engagement strategy), прежде всего с тем, чтобы они больше разделяли с США груз международных проблем, она не отказывается от превентивного использования силы «как крайней меры».

Немалое влияние на определение основных векторов внешней политики страны оказывают лобби-группы, под которыми понимают усилия организованного интереса с целью изменения политики правительства (Дж. Миршаймер, С. Уолт) и экспертное сообщество.

Деятельность лобби-групп южнокавказских республик в США имеет свои особенности. Период наибольшей активности грузинских лобби приходится на 2008-2010 годы, когда после югоосетинского конфликта государственные органы этой страны затратили более 4 млн. долл. на продвижение официальной позиции Тбилиси по этно-территориальным конфликтам, членству в НАТО и необходимости продолжения выделения крупных финансовых средств по программам помощи Грузии.

Противостояние армяно-азербайджанских (турецких) лобби-групп отражается в борьбе за три основных вопроса: проблема Нагорного Карабаха, признание геноцида армян и распределение финансовой помощи. Детальный анализ этого процесса через призму «шести критериев успешного лоббиро-

вания» (А. Наунс) – количество и содержание требований на первоначальном этапе, долгосрочность присутствия лобби-группы в стране, уровень влияния на общественное мнение, оперативность поступления нужной информации лоббируемому лицу, способности мобилизовать ресурс диаспоры и возможности непрямого лоббирования – показывает, что значительный перевес по всем компонентам на стороне армянских лобби. Это во многом отражается на определенном расхождении позиций Конгресса и Белого Дома. Однако, в последние годы можно констатировать усиление азербайджанских лобби, активно поддерживаемых лобби-группами нефтяных компаний.

Значимое место в системе принятия внешнеполитических решений США занимают аналитические центры, реальное влияние которых на процесс формирования внешней политики Соединенных Штатов настолько значимо, что их зачастую называют «интеллектуальным эпицентром процесса политического планирования» и «четвертой ветвью власти» (Дж. МакГанн). Вместе с тем, их разработки не создаются исключительно в «интеллектуальном вакууме»: многие «мозговые тресты» финансируются крупными ТНК, нефтегазовыми компаниями и сотрудничают с различными лобби, что необходимо учитывать при оценке направления их исследований, объективности прогнозов и адекватности рекомендаций.

Вторая глава «Стратегические ориентиры внешней политики США на Южном Кавказе» посвящена комплексному анализу основных императивов американской политики в данном регионе. Рассматриваются внешнеполитический инструментарий США и ключевые направления их стратегии после югоосетинского конфликта 2008 года, в том числе в контексте отношений с Россией.

В первом параграфе второй главы «Цели и задачи политики Соединенных Штатов Америки в регионе Кавказа» определяются основные интересы США на Кавказе, их региональная и глобальная проекции, динамика становления.

Распад Советского Союза обострил конфликтный потенциал Кавказского региона, превратив его в зону критической нестабильности: три из четырех *de facto* государств и шесть из восьми острых конфликтов постсоветского пространства возникли на его территории. Новый этап разработки энергоресурсов Каспия, открывающий дополнительные возможности развития энерготранзитных коммуникаций, в значительной мере повлиял на трансформацию геостратегической значимости «Большого Кавказа».

Необходимость закрепления позиций США на южном фланге бывшего СССР – одном из основных сегментов «второй зоны» глобальных интересов США (А. Богатуров) – на первоначальном этапе встраивалась в концепцию создания «открытых рынков» для американского бизнеса и обеспечения доступа к основным нефтегазовым месторождениям мира – базисным пунктом энергетической безопасности Соединенных Штатов.

Анализ их внешнеполитических инициатив позволяет сделать вывод о том, что интересы геополитического характера выступают более значимым резонансом американской внешней политики на Южном Кавказе, чем экономические мотивы.

Хотя Соединенные Штаты по-прежнему выступают главным сторонником развития альтернативных энерготранзитных маршрутов, долевое участие американских компаний в Каспийских энергопроектах снижается. Так, американцы владеют 13,76% в управляющем трубопроводе Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) консорциуме компаний, в то время как в 1994 году «контракт века» для разработки месторождений азербайджанской нефти предоставлял четырем компаниям из США почти 40%-ную долю участия.

Стратегическая значимость региона для Соединенных Штатов Америки возросла после терактов 11 сентября, когда глобальная антитеррористическая кампания США явилась основным полем их кооперации с закавказскими республиками. В этой связи американцы искали возможности развертывания структур мобильного военного базирования в Грузии и Азербайджане. Дальнейшая модификация американского интереса в регионе произошла с

приходом к власти в январе 2004 года М. Саакашвили. «Революция роз» максимизировала преимущества существовавших военных договоренностей, открывала новые сферы кооперации и возможности наращивания военного потенциала США.

В настоящее время, роль Южного Кавказа, как важного евразийского коридора в системе глобальных императивов американской внешней политики, неуклонно растет: он является частью Северного военно-логистического маршрута, через который проходит до 30% американского военного и более 60% невоенного груза для операции в Афганистане.

Таким образом, основные цели США на Южном Кавказе имеют как собственно региональное измерение, так и глобальное. Первые включают проецирование собственного влияния в региональный «вакуум доминирующей силы» и формирование системы региональной безопасности при главенствующей роли США; сдерживание влияния России на характер и масштабы участия в региональных процессах; изоляцию Ирана; развитие возможностей для более масштабного военного присутствия и создания военных баз; контроль над транспортировкой углеводородных ресурсов Каспия и развитие альтернативных транзитных маршрутов; обеспечение выхода в Центральную Азию.

В глобальной проекции, установление контроля над Южным Кавказом позволит закрепиться в опорном пункте сдерживания трех значимых игроков – России, Ирана и Китая (а также Турции в случае её дистанцирования от США) и подготовить платформу для проецирования собственного влияния на мегарегион Большого Ближнего Востока.

Достижение этих целей Соединенные Штаты видят через реализацию следующих задач: создание пояса зависимости постсоветских государств от американской политической, экономической, военной, научно-технической и прочих видов помощи; интернационализацию региональных конфликтов (через расширение переговорных форматов и с привлечением международных миротворческих сил); наращивание кооперации с республиками, в частности

по вопросам вступления в НАТО; усиление политической поддержки экономических проектов геостратегической значимости (БТД, Набукко и пр.), реализацию проекта «Единого Кавказа».

Во втором параграфе второй главы «Реализация американской стратегии на Южном Кавказе: основные инструменты и тенденции» анализируется внешнеполитический инструментарий американской внешней политики в исследуемом регионе.

Ключевым инструментом американской внешней политики в регионе являются программы экономической и прочей помощи, основная часть которой поступает через принятый в 1992 году «Акт в поддержку свободы» (FREEDOM Support Act). Две республики Южного Кавказа (Грузия и Армения) входят в первую тройку стран-получателей американской экономической помощи на душу населения (после Израиля). Одним из основных механизмов в этой системе выступает Агентство США по международному развитию (USAID), которое выполняет важную функцию по формированию «гражданской мощи» Соединенных Штатов, а в республиках Южного Кавказа работает по линии около двадцати программ.

Многочисленные НПО и НКО способствуют реализации значимой задачи американской внешней политики – многостороннего вовлечения, подразумевающего диверсификацию контактов внутри каждой из республик. Наибольшую активность различные НПО проявляют в Грузии, где ведущую роль играет Открытое общество/Фонд Сороса, ежегодно выделяющее крупнейшую для некоммерческих структур финансовую помощь: Грузии – 60 млн. долл., Азербайджану – 36 млн. долл., Армении – 24 млн. долл (2009 г.).

Разветвленная сеть обменных программ – прежде всего для представителей гражданских групп и молодежи – представляется эффективным инструментом американской стратегии, рассчитанным на долгосрочную перспективу. Программы предполагают формирование лояльных и политически-активных групп, которые следует удерживать в орбите собственного влияния и которые, в свою очередь, должны впоследствии выступать ведущей силой в

вопросах продвижения демократии – действенный рычаг давления на правительства этих стран.

Вхождение в переговорную группу по Нагорному Карабаху институционализировало заинтересованность Соединенных Штатов в участии в этом процессе. Более ограниченные возможности прямого участия в абхазском и югоосетинском конфликтах приводят США к поиску иных форматов – прежде всего через европейских партнеров. Обращение к вопросу о геноциде в США имеет как внутривнутриполитический «конъюнктурный» резон (выборы в президенты или Конгресс), так и сохраняется как механизм влияния на Турцию. В этом отражается один из феноменов американской политики на Южном Кавказе: сочетание гуманистического и прагматического подходов.

Набор военно-политических инструментов США включает прямое двустороннее сотрудничество с республиками Южного Кавказа и кооперация по линии НАТО, выступающей как фактор «легитимации» американского присутствия в регионе. Двумя базисными программами сотрудничества трех республик с альянсом являются «Партнерство ради мира» и «План действий индивидуального партнерства», в то время как взаимодействие блока с республиками проходит по пяти основным направлениям: сотрудничество в сфере безопасности; реформирование оборонного сектора государств; планирование гражданской обороны; в области науки и защиты окружающей среды; информационной сфере.

В рамках сотрудничества с НАТО Грузия не только декларирует, но и на практике подтверждает свою приверженность западным союзникам – она стала третьей страной по количеству военнослужащих в Ираке и первой (из расчета на душу населения среди всех участников коалиции) в Афганистане. В Армении и, с большей динамикой, в Азербайджане на данный момент формируется тенденция к постепенному вовлечению в натовскую военную структуру без непосредственного институционального оформления.

Значимым инструментом региональной военной политики США в рамках НАТО являются военно-морские учения – «Си-бриз» и «Каспийский

страж». Мотивированные «борьбой с терроризмом и сепаратизмом», охраной «ключевой экономической зоны», через которую проходят нефтегазовые трубопроводы, они обеспечивают определенное присутствие ВМС США в черноморской и каспийской акваториях.

Инициированный в 2001 году проект «Виртуальный шелковый путь», связывающий Южный Кавказ и Центральную Азию, предполагает соединение штаб-квартиры альянса с компьютерными системами военных организаций региона. В современных условиях ведения войны (шестого поколения) оперативность дистанционных устройств в сочетании с компьютерными технологиями позволяют проводить всевозможные военные операции с большей эффективностью и экономией ресурсов. Это означает, что помимо нарастающей «конвенциональной» милитаризацией кавказского региона появляются качественно новые угрозы его безопасности.

В третьем параграфе второй главы «Внешняя политика США на Южном Кавказе: российская проекция» рассматриваются американские инициативы после пятидневной войны 2008 года в контексте российских национальных интересов.

В результате югоосетинского конфликта на Кавказе началась качественно новая перестановка сил, в то время как непростое состояние российско-американских отношений, вызванное бифуркацией американской политики (Т.А. Шаклеина), достигло низшей отметки за последние два десятилетия. Требования консервативных сил, выступающих за жесткий отпор российской политике в ближнем зарубежье, трансформировались администраций Б. Обамы в более гибкий подход. Параллельно с «перезагрузкой» отношений с Россией продолжается наращивание сотрудничества с республиками Южного Кавказа.

Грузия по-прежнему является центральным звеном кавказской политики США и рассматривается как «образец демократии на постсоветском пространстве», хотя критическая риторика в адрес действующего руководства этой страны с призывами оказывать большую поддержку оппозиции стала в

Вашингтоне нередким явлением. Современная американская стратегия в Грузии включает пять основных сфер: послевоенная помощь (1,2 млрд. долл.), Хартия о стратегическом партнерстве, ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии, развитие демократических институтов, двусторонняя комиссия и обновленный план по вступлению в НАТО – «Ежегодная национальная программа».

В отношении частично признанных республик действующая администрация США рекомендуют Грузии придерживаться стратегия «вовлечения без признания» (*engagement without recognition*) и модели «стратегического терпения» (*strategic patience*) как наилучшего пути по реинтеграции территорий. Последняя предполагает три принципиальных вектора: стать привлекательной (для воссоединения) территорией, через совершенствование собственной политической и экономической систем; интенсифицировать контакты между представителями гражданского общества, в том числе с участием американских НПО; развитие партнерских связей среднего и малого бизнеса. Эти инициативы должны способствовать «укреплению мер доверия между сторонами» и снижению «изоляции» двух республик, под которым понимают их сотрудничество с Россией.

США стремятся заручиться гарантиями неиспользования Россией силы в отношении Грузии, свертывания ракетных комплексов и снижения количества военной техники в Абхазии и Южной Осетии, с последующей заменой военного персонала на гражданский. Внутри самих США разногласия между Пентагоном и Госдепартаментом на предмет поставки Грузии тяжелого вооружения находятся в стадии проработки. На экспертном уровне инициируется продвижение новой интерпретации августовских событий как «непреднамеренной войны» (*unintended war by all sides*).

Значимым шагом, направленном на ослабление позиций России в данном регионе стала возрожденная идея (конца 1990-х гг.) создания «Единого Кавказа». Она позиционирует Грузию в качестве «выразителя воли всех кавказских народов» и различных националистических групп, критически на-

строенных к России. В данном контексте, это эффективный механизм, с помощью которого США имеют возможность оказывать давление на РФ не только на регионарном уровне с проекцией на её территорию, но и в международной политике.

Попытки Соединенных Штатов наладить отношения с Азербайджаном, в отношении которого, по мнению многих политиков и экспертов, действующая администрация первоначально допустила определенные просчеты, сочетается с традиционным поиском приемлемого баланса в отношениях США с Арменией.

Американские инициативы по Азербайджану, среди которых, строительство газопровода Набукко, потенциальное соглашение о стратегическом партнерстве, более содержательная повестка в рамках НАТО, снижение критики демократии в этой стране и повышения частоты контактов на высшем уровне, «балансируются» в Армении декларативными заявлениями о необходимости признания геноцида армян и рокировкой программ помощи (государственные расходы США на программы безопасности для Армении растут, для Азербайджана – снижаются).

Армяно-турецкое сближение рассматривается США, в том числе, как возможность отстранения от России Армении через открытие её границ, а многочисленные американские компании (в настоящее время их в Армении семьдесят) способствуют усилению экономического влияния США в этой стране и составляют серьезную конкуренцию российским фирмам.

Существующее понимание необходимости участия России в решении всего комплекса региональных проблем на Южном Кавказе в настоящее время на официальной политике США это не отражается, что подтверждает принятая 29 июня 2011 года Сенатом США резолюция «О поддержке суверенитета, независимости и территориальной целостности Грузии». Это не только акт поддержки закавказского союзника, но и фактор внутренней политики, где администрация Обамы, на фоне кризиса межпартийных отношений ищет

возможности их консолидации путем проработки немногих консенсусных вопросов, среди которых тема Грузии.

В заключении подводятся основные итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и практические рекомендации.

Во внешнеполитической стратегии трех американских администраций на Южном Кавказе прослеживается преемственность политического курса с изменением тактических ориентиров и инструментов внешней политики.

Противоречия России и США на Южном Кавказе по-прежнему остаются за рамками «перезагрузки», хотя связь с этим процессом существует: её качество и скорость в немалой степени будут зависеть от развития двусторонних отношений в этой части Евразии уже в ближайшее время, поскольку повестка первого этапа «перезагрузки» во многом выработана. В свою очередь, общий контекст российско-американских отношений также будет оказывать влияние на политическую волю к компромиссу в этом регионе, что в немалой степени будет определять его политический климат. Ситуация осложняется тем, что как Россия, так и США считают Южный Кавказ зоной своих «исключительных» и «жизненно важных интересов» соответственно.

Для России характер вызовов и угроз безопасности данного региона неразрывно связан с внутренней политикой и национальной безопасностью страны, в то время как для США установление контроля над регионом – важная составляющая глобальной стратегии доминирования. На сегодняшний день влияние этого нерегионального игрока стало фактором, во многом определяющим геополитическую динамику в регионе.

В ситуации, когда на фоне острых межпартийных противоречий США обеспокоены другими более значимыми проблемами внутреннего и международного характера, Россия располагает определенным запасом времени по укреплению собственного влияния. Использование просчетов американской стратегии, игра на внутриведомственных противоречиях и на расхождении подходов США и европейских партнеров также может предоставить России больший внешнеполитический маневр.

Ставка на инерцию многолетних традиций совместного существования и сотрудничества с государствами Южного Кавказа в современных условиях недостаточна. Необходимы усиление роли России в решении региональных конфликтов, недопущение их интернационализации под руководством НАТО или специально созданных для этих целей структур при доминирующей роли США, а также совместные экономические и культурные проекты. Готовность нести издержки за лояльность элит и симпатии населения должна находить отражение в развитии и инвестировании в приобретенные российской стороной на территориях этих стран предприятия, в финансировании размещенных объектов военной инфраструктуры, рассмотрении возможности поставок энергоносителей на льготных условиях – то, что практикуется многими государствами, претендующими на региональное влияние.

Диверсификация контактов с представителями республик также позволит сделать политику России более гибкой, а работа с заинтересованными в укреплении связей с Россией национальными диаспорами и представителями бизнеса может способствовать укреплению позиций нашей страны во внутриполитической системе этих государств.

III. Основные положения диссертационного исследования отражены в 11 публикациях автора общим объемом 5,4 п.л.:

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Сучков М.А. Американская концепция «стратегического терпения» как модель реинтеграции Абхазии и Южной Осетии в Грузию // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011 – № 2 (20). – С. 115-120. (0,6 п.л.)

2. Сучков М.А. США на Кавказе: интересы и цели // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – №1 (38). – С. 120-124. (0,3 п.л.)

3. Сучков М.А. Кавказ в американской парадигме Большого Ближнего и Среднего Востока // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – 2010. – №4 (25). – С. 133-138. (0,5 п.л.)

В других изданиях:

4. Сучков М.А. Нагорный Карабах в «Большой стратегии» США на Кавказе // Майендорфская декларация 2 ноября 2008 года и реакция на ее принятие: сб. статей / Отв. ред. А.А. Орлов, В.Н. Панин. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2009. – С. 180-192. (0,7 п.л.)

5. Сучков М.А. Внешняя политика США при Б. Клинтоне // Университетские чтения – 2009: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XII. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 60-65. (0,3 п.л.)

6. Сучков М.А. Перегрузка российско-американских отношений: перспективы в Закавказье // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы VI Международного Конгресса. Симпозиум II. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010 г. – С. 91-93. (0,1 п.л.)

7. Сучков М.А. Концепции «силы» и «влияния» во внешней политике США // Университетские чтения – 2010: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XIV. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 73-78. (0,4 п.л.)

8. Сучков М.А. Политика США в отношении Армении и Азербайджана в контексте Карабахского конфликта // Политические и социальные процессы в Евразийском пространстве. В ожидании новой парадигмы: сб. статей // Отв. ред. А.А. Овсепян, В.М. Немчинов. – Ереван: «Ноян Тапан», 2010. – С. 100-113. (0,6 п.л.)

9. Suchkov M. Regional Conflicts in the Southern Caucasus: the Role of Russia and the U.S. // PSLU International Bulletin. – 2011. – №1-2 (2-3). – P. 126-131. (0,7 п.л.)

10. Suchkov M. Re-engaging the Caucasus: New Approaches of U.S. Foreign Policy in the Region and their Implications for U.S.-Russia Relations // Jour-

nal of Central Asian and Caucasian Studies. – Ankara, Turkey: International Strategic Research Organization. – 2011 – Cilt 6, №11. – P. 134-152. (1 п.л.)

11. Сучков М.А. Взгляд на Закавказье из Вашингтона: попытка переосмысления. Рецензия на книгу: Th. De Waal. The Caucasus: an Introduction. – N.Y.: Oxford University Press, 2010. – 259 p. // Americana Вып. 12: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Курилла. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 245-250. (0,2 п.л.)

Подписано в печать 23.09.2011.

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ 204.

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Отпечатано в центре информационных и образовательных технологий ПГЛУ